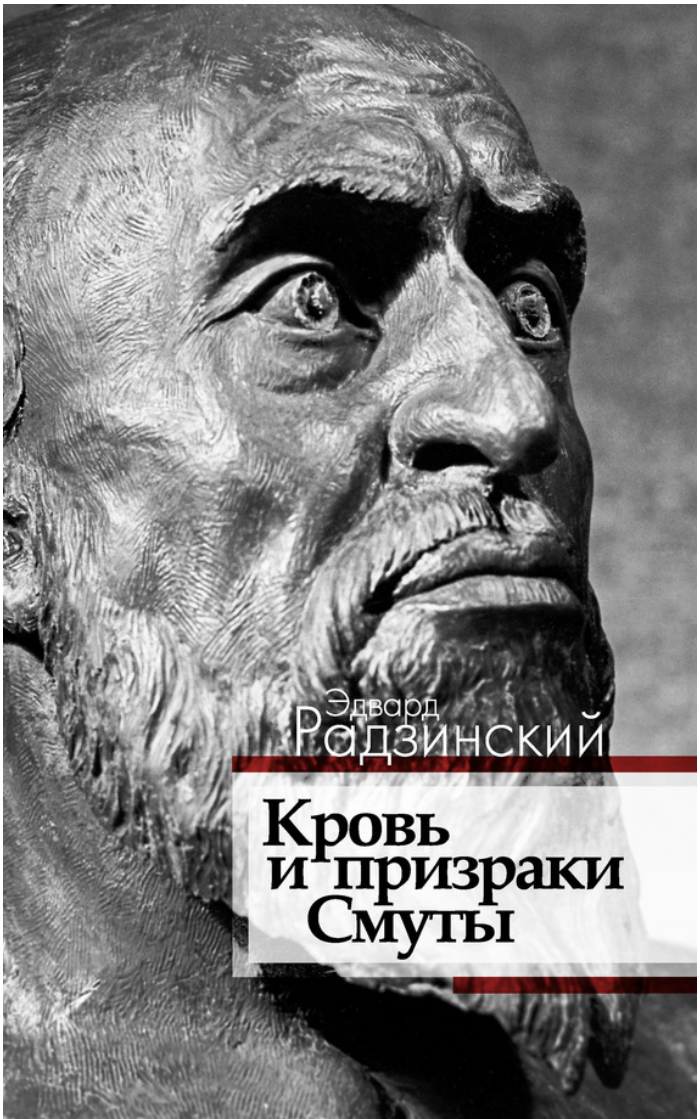

Эдвард Радзинский

Кровь и призраки Смуты

Эдвард Станиславович Радзинский
Кровь и призраки Смуты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282201
Кровь и призраки Смуты / Эдвард Радзинский: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092286-4

Аннотация

Герои этой книги – царь Иван IV, которого Николай Михайлович Карамзин называл мятежником в своем собственном государстве, а Иосиф Сталин – учителем, и Дмитрий I, вошедший в историю под именем «Лжедмитрия».

Ранее книга выходила под названием: Иван IV Грозный

Содержание

Иоанн мучитель 4
Два Ивана 7
Из тьмы Азии 8
Первый царь 14
Преображение 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Эдвард Радзинский
Кровь и призраки Смуты

Иоанн мучитель

Еще в сталинские времена наш знаменитый антрополог и скульптор академик Герасимов, восстанавливавший лица по черепам, задумал вскрыть гробницу царя Ивана Грозного. Герасимов хотел не только воссоздать портрет легендарного царя, но ответить на вопрос ***как*** **он умер? Был ли он убит, как гласила легенда, или, говоря словами поэта, «к стыду людей, он умер сам»?**

Но не захотел Сталин. То ли бывший ученик духовной семинарии не забыл историю с гробницей Тимура (когда через три дня после вскрытия тем же Герасимовым могилы, как и предупреждали старики узбеки, началась война – Гитлер напал на Россию) и теперь избегал нарушать покой царей-демонов, то ли, что скорее всего, попросту не захотел тревожить покой любимого героя.

Грозный царь воистину был любимцем грозного диктатора. Сталин несколько раз посещал *его* могилу в склепе под алтарем Архангельского собора. Общеизвестна история Эйзенштейна: Сталин осыпал милостями великого режиссера, когда тот снял фильм-панегирик Ивану Грозному, и пришел

в ярость, когда Эйзенштейн во второй серии посмел не воспеть его как должно…

Занимаясь биографией Сталина, среди книг его библиотеки я нашел пьесу А. Н. Толстого об Иване Грозном. В страшные дни войны, когда немцы рвались к Москве, попала к нему на стол эта пьеса… Прочитав ее и, видимо, о чем-то раздумывая, Сталин несколько раз написал на задней стороне обложки одно слово – «Учитель».

Учитель… но в чем?

Ответ казался простым: грозный царь истребил множество бояр. И Сталин истребил партийных вельмож, которых часто называли «боярами» (как писал поэт: «А вы, кремлевские бояре из белостокских корчмарей…»).

Но чем дальше я писал эту историю, тем яснее понимал: дело не только в уничтожении бояр… Сталинская любовь к Грозному связана с неким важнейшим вопросом, который когда-то задал наш великий историк Карамзин. И ответ на который скрывает история самого загадочного и самого кровавого из русских царей…

Однако о карамзинском вопросе потом. Сначала о царе…

Его гробницу вскрыли уже после смерти Сталина – в 1963 году.

На смертном одре царь Иван принял схиму – высшую ступень монашества – ив гробу лежал в рясе и куколе.

Герасимов восстановил лицо по черепу, и старик с хищ-

ным крючковатым носом и сладострастным, презрительным «карамазовским» ртом глянул из небытия…

Два Ивана

«Тело изнемогло… болезнует дух… раны душевные и телесные умножились, и нет врача… Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого… Отплатили мне злом за добро и ненавистью за любовь…»

Кто так жалуется – страстно и возвышенно? Кто этот одинокий страдалец, столь несправедливо обиженный?

Это наш герой, царь Иван Васильевич, который всего за два года до этих слов истребил великий город Новгород. Да что город – целый край опустошил! Младенцев привязывали к матерям и топили в Волхове… А жалостливые слова эти он написал в своем завещании, и обращены они прежде всего к любимому сыну, которого он… тоже убьет!

Но первые тринадцать лет его правления были благодетельны – великая пора в нашей истории! Остальные двадцать с лишним лет – кровь и террор, избиение народа, будто царя подменили, будто дьявол вошел в него…

Темна до него история московских правителей – безликих теней, тускло отраженных в летописях… Он первый заговорил.

Он оставил множество писем, в которых – его голос, его шутки, его проклятия. Так что он сам, царь Иван Четвертый, и поведет нас по собственной истории.

Из тьмы Азии

Легенда, естественно, утверждает: когда он родился, гремела гроза. И гроза действительно гремела, но очень далеко от каменного дворца, выстроенного его дедом на месте ветхих деревянных хором московских царей…

По всей Западной Европе грохотали пушки, пустели храмы, священники брались за мечи, воздвигались эшафоты, шли религиозные войны. Реформация – Лютер, Кальвин, папские проклятия… Европе уже было явлено чудо Нового Света.

А где-то там, на Востоке, где обрывалась европейская цивилизация, из загадочной тьмы Азии перед изумленной Европой воздвигался другой «новый свет» – колосс-Россия…

Отец Ивана Василий долгое время был бездетен. «С печалью и слезами», как напишет летописец, смотрел он на гнезда, где резвились птенцы.

И эта «любовь к птенцам во гнездах» заставила его заточить в монастырь бездетную жену Соломониду, откуда она прокляла и его, и будущее его потомство… Жаждущий «птенцов» Василий женился на молодой красавице Елене Глинской, дочери литовского вельможи, «переехавшего» (точнее, перебежавшего) от польского короля к московскому правителю.

Такие «переезды» туда и обратно долгое время были в

обычае. Боярство при тогдашнем московском дворе напоминало, как сказал историк, «каталог этнографического музея», где были представлены русские, немецкие, греческие, татарские и литовские имена… Потомками литовского князя Гедиминаса были князья Мстиславские, Голицыны, Куракины, Хованские, Патрикеевы – длинен будет список Гедиминовичей… Выходцами из Литвы были и Милославские. Потомками «выехавшего из Прусс» Андрея Кобылы были Романовы и Шереметевы, от другого «мужа честна из Прусс» происходили Салтыковы и Морозовы. А сколько знатных татар выехало из Орды на службу к московским Государям – от них произошли княжеские роды Урусовых, Юсуповых, Апраксиных… Но уже при отце Василия бояре были прикреплены к Московскому княжеству клятвой и целованием креста – служить только московскому Государю…

Василий пугал двор своей любовью к новой жене: он даже пренебрег священной в Московии бородой – сбрил ее, чтобы быть приятнее молодой чужестранке. И старцы в заволжских монастырях объявили блудом брак Великого.

Елена не обманула его ожиданий – родила ему сына. Его назвали Иваном в память о великом деде. Иван Четвертый…

Но «любитель» птенцов Василий недолго наслаждался своим новым гнездом. Сбывалось проклятие Соломониды – Василий умер, когда мальчику было всего три года. Никогда Русь не знала такого малолетнего царя.

Правительницей стала его мать. Через полтысячи лет после легендарной княгини Ольги женщина, да еще и чужеземка, стояла во главе Московского государства…

В начале правления вдовствующей Великой княгини вернулось было забытое своевольство бояр и князей, начались заговоры… Елена действовала так, как учил Василий: в темницу были брошены все претенденты на престол – и родной брат ее покойного мужа Юрий, и ее собственный дядя Глинский. И другой брат Василия, Андрей Старицкий, отправился в заточение, где зачах в оковах. В темнице сидели: Рюрикович – князь Андрей Шуйский, и потомок Гедиминаса – князь Вельский. Все короче становился путь между дворцом и тюрьмой, все многолюднее… Опалы следовали одна за другой, в ссылки отправились знатнейшие бояре. И страх вернулся во дворец.

Делами заправлял любовник Елены – князь Телепнев-Оболенский. И боярам надо было угождать могущественному фавориту…

Все хотели перемен. Так что уже через пять лет после смерти Василия «юная летами и цветущая здравием» Елена вдруг умерла. Опять говорили о проклятии Соломониды, но это был боярский яд…

Почти через пятьсот лет в ее останках найдут многократно повышенное содержание ртути. И череп красавицы с чудом сохранившимися рыжими волосинками поведает ее тайну…

Когда мать хоронили, восьмилетний царь-сирота плакал и прижимался в страхе к назначенному матерью опекуну – Телепневу. Но уже через неделю князь сидел в подземной темнице. Его оторвали от плачущего маленького Ивана… Князя, перед которым еще вчера заискивали, которому доносили друг на друга, бояре приказали не кормить.

На свободу вышли все опальные князья, проделав столь же частый в те времена обратный путь – из тюрьмы во дворец. Боярский клан князей Шуйских – как и московские владыки, они вели свой род от князя Александра Невского; князья Пенковы, ведущие род свой от ярославских великих князей; Милославские и Патрикеевы – вновь заседают в Думе. Вернулись во дворец и князья Вельские – с мечтою вернуть свои уделы: Вельск и Рязань, оружием присоединенные к Москве. Мечта о прежней удельной Руси вернулась…

Но все они слишком ненавидят друг друга, чтобы объединиться и свергнуть малолетнего Ивана… И исходят в яростных спорах в Думе о боярской чести, о «местах» и об «отечестве» – кто выше на темной родословной лестнице. Спорят до мордобития – по щекам бьют друг друга, рвут бороды… И – воруют! Нагло и открыто воруют, грабят области, отданные им в «кормление».

«Кормление» – великий обычай, с него начинается тыся-

челетнее воровство русской бюрократии, навсегда засевшее в ее генах. Боярин, назначавшийся наместником московского Великого князя, должен был «кормиться» за счет управляемой им области. По прибытии он получал от жителей первый взнос под названием «кто сколько может» – и попробуй ему не дать! Как липку обдирали управляемых, беспощадно. Куда хуже татарского ига были для народа эти «кормления»! Князь Андрей Шуйский, «аки лев кровожадный», обобрал до нитки богатый Псков – так, что в городе не стало ни богатых, ни бедных, все были нищие. Но захватившие власть Шуйские не только обирали население – они открыто грабили и царскую казну…

В небрежении, в дальних комнатах дворца растет забытый отрок, но он все видит, все запоминает. И опишет потом свое жалкое сиротство: как воровали Шуйские царские золотые сосуды и перечеканивали на них свои имена… Запомнит и жалкую шубу, в которой впервые увидел Андрея Шуйского, – ветхая была, зато потом в какой роскошной шубе хаживал князь – из царских кладовых украденной! И то, как, унижая мальчика, клал Иван Шуйский ноги на кресла, где сиживал его отец, как садился на кровать, где он умер… Все запомнит мальчик, которого (как и многих будущих кровавых диктаторов) горько унижали в детстве.

Он уже знал: это они отравили его мать, они отняли у него кормилицу Аграфену и постригли ее в дальний монастырь только потому, что она была сестрой несчастного Оболен-

ского. И самого князя, любившего его, они в оковах голодом заморили.

Кровь вокруг… Кровь и Власть.

Первый царь

С трех лет, после смерти отца, он уже присутствовал на приемах послов – маленькая кукла в царском одеянии. И первое его детское видение: он – *повелитель*… смиренные поклоны… И сейчас, после смерти матери, бояре по-прежнему выводят его к послам, надев на него дорогие одежды, чтобы потом отправить в темноту и холод нетопленых покоев. Они дрова и свечи ему жалели…

Но не заметили бояре среди своих драк – кукла-то выросла! Теперь это был высокий отрок с тонким крючковатым носом и смуглым лицом – наследство византийских предков.

Он много читал. И станет образованнейшим государем в Европе. Первое, что он усвоил: князья и бояре – воры, ограбившие не только его казну. Они посмели похитить власть, от Бога данную его роду.

Он твердо выучил: с изначала земли русской род его пришел спасти этот народ от боярской смуты. Великие воины варяги… Не силой взяли они эту землю: силой не вышло, словене, весь, чудь и кривичи отбились. А потом сами пришли к его предкам и позвали – править.

Загадка? Лишь для тех, кто не рожден на Руси. Бояре и князья так ненавидели друг друга, так изводили народ поборами и распрями, что люди собрались и решили просить прийти его предков: «Земля наша велика и обильна, а по-

рядка в ней нет. Придите княжить и володеть нами». И князь Рюрик из племени русь с братьями и дружиной пришел… И местные князья были рады: пусть лучше чужой правит, но только не один из них.

Великое потомство дало Рюриково древо! Но бесчисленные потомки заболели местной болезнью – ненавистью друг к другу. И порядок исчез. Они разбили Русь на многие княжества и начали великую битву друг с другом. И когда пришли татары воевать русскую землю, Рюриковичи, братья по крови, радовались бедам друг друга…

Только великая власть могла обуздать хаос, воровство и грабеж, сдержать орды, идущие из Азии. И власть эта родилась, в Москве, в великом городе, которому дано было вновь собрать Русь. И сделали это его прадеды и деды – московские потомки Рюрика…

А полтысячи лет назад здесь, на окраинах ростовской земли, посреди непроходимого бора стоял жалкий княжеский двор, где его прапрадед, князь Юрий Долгорукий встретился с союзником своим, Новгород-Северским князем. Их «обед силен» и слово «Москва» остались в древней летописи, которую читал мальчик… Видно, что-то предчувствовал князь Юрий, когда обнес княжий двор деревянными стенами, – от тех времен идет Кремль, где за стенами стоят древние соборы и его дворец. За эти пятьсот лет жалкий городок стал первым городом Руси, а все великие, прежде богатые княже-

ства – Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское – обессилели в бранях друг с другом и кровью изошли в борьбе с татарами. Но заслонили от ханов благословенные московские земли, дали владениям его предков желанный покой… и пали под власть его деда, который сделал бесчисленных потомков Рюрика жалкими подданными, боярами на службе московских князей.

Правда, московская ветвь Рюрикова древа была немногочисленна. Великая власть убивает – и старшие в роде истребляли младших, чтоб не дробить собранную землю, чтоб избавиться от мятежей. Дед Иван Третий убил брата Андрея с двумя сыновьями, отец Василий отправил на тот свет двоюродного брата Шемяку-Рыльского… И его мать, Елена Глинская, следовала традиции – извела братьев его отца Юрия и Андрея.

Великий город отстроили его предки. Мать, пока жива была, возила его на богомолье в монастыри. Он помнил, как сразу за городом начинались дремучие леса, окружающие редкие селения при большой дороге. А за лесами – степь необозримая, откуда войной приходили татары казанские, астраханские и крымские – остатки распавшейся Великой Орды…

Он любил возвращаться в свой город. Чем ближе к Москве, тем веселее дорога: тянутся обозы, скачут всадники, лошади мчат сани… И вот уже на холме Кремль с золоты-

ми куполами храмов. У стен, сбегая к реке, стоят бесчисленные дома: слободы ремесленников, светлое дерево на красном морозном солнце… А за Москвой-рекою дымит жаркими печами Немецкая слобода. Здесь всегда шум и гам – иноземцам разрешено пить в будни.

В Москву зимой въезжали обычно в темноте. Ночью пусто: жителям запрещено ходить без причины, только у заградительных рогаток, выставленных на ночь, стоит караул.

Полтораста тысяч жили в Москве по переписи, которую сделал его дед.

Иван Третий, великий его дед… Это он возвратил величие исчезнувшей было в дыму татарских пожарищ, поставленной на колени стране. Это он покорил удельные княжества, объединил Великороссию – сделал ее вотчиной московских князей. Это при нем Великая Русь вновь почувствовала себя единым народом. Иван Третий Грозный – так называли его тогда. Страшен был в гневе, женщины падали в обморок от одного его взгляда.

И слушал мальчик повествования доброхотов: «Когда князь засыпал, как столбом стояли бывшие удельные князья, дыхнуть боялись, чтоб не разбудить Государя…» Но он уже понял и крепко запомнил: не гневным взглядом правил дед, но топором и публичной поркой усмирял он непокорных.

Грозный Государь… Грозной должна быть истинная власть!

И он будет грозным, как его дед, и будет править покоренными князьями, как холопами. «Холопы» – так звались рабы, потомки купленных когда-то рабов, или плененных на войне, или людей, проданных за долги… И при деде его, и при отце – все, от жалкого крестьянина-смерда до князей и бояр, звали себя «холопами Государя», все писали в челобитных: «Се аз холоп твой…» Дед ввел обычай: коли ему не нравилась боярская «встреча» (встречное мнение в Думе), говорил кратко: «Пошел вон, холоп! Ты мне более не надобен!»

В книгах иноземцев о Московии (толмач переводил для него эти книги) он читал с радостью: ничто не удивляло так чужестранцев, как самовластие его отца и деда. «Воля Государей служит в Московии вместо писаных законов… и никто не смеет называть свое «своим», а называют «Государевым»… «Так угодно Богу и Государю»… «это ведает Бог и Государь…» – самые частые слова на Руси…»

Князья-холопы забыли свое место – вот что он крепко усвоил с детства…

Велики были дела его грозного деда! При нем Москва поняла свое предназначение. В прошлом веке пала Византия – оплот православия, и взоры крещеного мира обратились на новую великую столицу православия – обретшую могущество Москву. И дед решился поднять павший византийский венец…

Московские книжники много говорили тогда о древних связях между Русью и Византией, о крови византийских императоров, которая текла в жилах его предков. Это его прапрапрабабка княгиня Анна, сестра византийских императоров, стала женой Владимира Святого, крестившего Русь. А потом был Владимир Мономах – Великий киевский князь, внук византийского императора Константина Мономаха. Как рассказали мальчику, тогда и привезли на Русь византийские святыни: венец золотой царский («шапку Мономаха», от самого императора Константина), крест животворящего древа, бармы и сердоликовую чашу, из которой пил еще римский кесарь Август.

«Шапкой Мономаха» и был венчан Владимир. (На самом деле шапка эта была монгольской работы, и нетрудно догадаться, как попала она в московскую сокровищницу, – это был всего лишь татарский дар: какой-то хан пожаловал ее одному из покоренных Рюриковичей. Но кому нужна жалкая правда, если вымысел так величав и полезен?)

На века останется татарская шапка русским венцом, «шапкой Мономаха». А «чаша Августа» завершила творение великой легенды, ибо московские книжники утверждали, что Рюриковичи происходят от потомков самого римского кесаря Августа. Так в московских Государях соединились оба Рима – Рим кесарей и Византия.

И его дед воплотил в жизнь эту великую легенду…

В те времена в Риме бедствовала Софья Палеолог – моло-

дая племянница последних византийских императоров. Эта сирота, жившая в опасной близости к ненавистному православным папе, хоть и не славилась красотой лица, зато радовала глаз непомерной дородностью, которую так ценили в женах московские Государи. На Софье-бесприданнице и решил жениться Иван. Не жалкое богатство, но иное, бесценное приданое должна была привезти в Москву Софья Палеолог…

И привезла. И до смерти берегла это богатство. Уже после замужества, на пелене, вышитой ею в дар монастырю, Софья не стала величать себя «Великой княгиней московской», но назвалась «царевною цареградской». Так она сама назвала свое великое приданое… Последняя наследница великих византийских императоров передала их державность (уже не в легенде) Московскому царству.

Разве мог после этого дед, наследник великой Византии, оставаться данником татарских ханов? И он отказался платить дань.

И было «великое стояние» на реке Угре. Дед встал с войском с одной стороны реки, с другой – хан. Долго стояли, ибо Иван *еще* не решался напасть первым, а хан – *уже*… И длилось «стояние» до поры, пока лед не покрыл реку. Теперь ханская конница, столько раз побивавшая русские полки, могла перейти на другой берег. Опасаясь этого, Иван дал сигнал отступить, но его воины, помня об ужасах татарских конных атак, попросту побежали. И тогда татары… побежа-

ли тоже: решили, что хитроумный московский князь заманивает их на другой берег. Так бежали друг от друга эти два войска, никем не преследуемые. Так смехом закончилась кровавая история татарского ига.

Теперь дед стал воистину кесарем. Церемонии византийского двора вошли в жизнь двора московского. Наследник Византии воздвигнет в Кремле новый каменный дворец, где родился Иван – его внук. И Грановитую палату, и главный собор державы – Успенский… Свергнув иго хана, он стал именовать себя «самодержцем» (византийский «автократор») и «Государем всея Руси».

Так ожила величавая мистическая идея… Был первый Рим – Рим кесарей. Погиб. Потом была Византия – наследница того Рима. Погибла. А теперь есть град Москва, где правят наследники властителей обоих павших империй. Москва – *третий* Рим и *последний,* ибо четвертому Риму уже не бывать. И «венец Мономаха», лежавший в сокровищнице его предков, ждал великого властителя, который первым будет венчаться в нем на царство, *первым объявит себя царем Руси.*

И вечно полуголодный, заброшенный мальчик знал: этим первым венчанным московским царем *будет он.* И он вернет на Русь время великих воинов, древних князей-завоевателей!

С детства он «стал святыней для самого себя»…

Время летит незаметно. Занятые сражениями друг с дру-

гом бояре и не заметили, что мальчику стукнуло тринадцать лет – отрок! Проморгали…

«Волчонок вырос», – говорили они потом. Не понимали: совсем другой зверь появился во дворце. Жестокость и властолюбие византийских императоров, коварство хитроумных московских князей, темперамент и отвага литовских кондотьеров – гремучая смесь… Не волчонок – тигр! Кошачья любовь к игре с жертвой, прежде чем отдаст она свою кровь… и страсти, бешеные страсти! Распалялся – и тогда действовал! В ярости – хитроумен, талантлив… В ярости – в речах убедителен…

Тогда-то он и показал боярам, кто вырос во дворце. Накануне нового, 1544 года посмел обычным языком повелителя заговорить при нем самый наглый и влиятельнейший из Шуйских – князь Андрей, и Иван, «приведши себя в бешенство», повелел своим псарям схватить думного боярина. Не увидел нового года гордый князь – 29 декабря 1543 года труп потомка Александра Невского валялся на заднем дворе… А Иван, усмехаясь, объяснял бледным боярам: случилась-де досадная ошибка, он повелел отвести в темницу возомнившего о себе боярина, да глупые псари почему-то не поняли, до темницы его не довели – зарезали… И велел, чтоб усвоили: ему уже минуло тринадцать и править теперь будет – он!

И бояре мигом вспомнили грозного деда…

«Вот тогда-то бояре и начали иметь страх Государя», –

напишет современник. Их наглость, небрежение как по волшебству сменились лизоблюдством и угодничеством.

Ко дворцу тотчас вернули любимого Иваном с детства боярина Федора Воронцова, сосланного Шуйскими…

Но он знал: чтобы стать грозной, Власть должна быть и ветреной. Тогда она родит истинный Страх, а следовательно, и повиновение… И уже вскоре, в порыве так ценимого им гнева он казнит любимого Федора Воронцова. Те, кто вчера в опале, сегодня в милости, но уже завтра – наоборот. Сегодня он ненавидит бояр, а завтра прослышавшие об этом псковичи приходят с жалобой на очередного наместника, обобравшего город, князя Ивана Турунтая-Пронского. И вдруг бешеный гнев царя обрушивается на них. Как смеют они бить челом на его наместника! На князя! И летописец рассказывает, с каким упоением молодой Государь «палил жалобщикам бороды… сам свечою их поджигал… и повелел класть нагими на землю и топтал их…» Кто знает, куда поведут его страсти, тигриные игры, – и боятся, трепещут… Власть!

Своими тогдашними забавами напоминал он юного Нерона. Орава всадников – Иван, окруженный толпой молодых собутыльников, – с гиканьем несется по Москве. Играют – стараются раздавить попавших под копыта горожан. Как на охоте, загоняют молоденьких женщин и, привезши во дворец, насилуют. Это тоже игра… И вмиг ставшие холопами бояре угодливо славят страшные забавы – пусть веселится Государь!

Как напишет князь Курбский: «Эти карлы, эти угодники говорили: «Ох, как будет храбр он и могуществен!»

Преображение

Но происходит чудо. На семнадцатом году жизни Ивана следуют два венчания.

16 января 1547 года произошло великое. В Успенском соборе митрополит возложил на него венец – ту самую легендарную «византийскую» шапку Мономаха. Мечта сбылась. На Руси появился первый царь.

Но титул Великого князя всея Руси он себе тоже оставил. Царь и Великий князь… Так он обвенчался с Русью.

И уже через полмесяца – второе его венчание. Не чужестранку взял, как дед и отец… Он хорошо выучил русскую историю: иноземцев на Руси боятся, с ними суеверно связывают все несчастья, от них непременно ждут нарушения старых обычаев, которые так ценит его народ. Русскую девушку решил взять в жены! И бояре, и митрополит славили эту нежданную осмотрительную мудрость юного царя…

Сотни кроватей поставлены в Кремле. Со всех концов Московии свезены красивейшие девушки, лекарь осмотрел их… А потом пришла его очередь – избирать жену. Он выбрал Анастасию – дочь покойного московского боярина из рода Романовых.

«Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами…» Он наизусть знал Библию – образованнейший был царь…

Анастасия – первая из Романовых, взошедшая в царский дворец…

«Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви…» Испуг и радость ее тела… сладость единственной, которую он любил… «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня…»

Но оба не знают – свершилось! Там, во тьме их брачного ложа уже появился призрак – будущая трехсотлетняя династия, которой суждено будет окончить свои дни в грязном подвале Ипатьевского дома…

Летом того же года загорелась Москва, и пожар был под стать году – великий, невиданный. Много раз полыхал огнем деревянный город с беспечными жителями, но такого не помнили даже летописцы.

Первый пожар был в апреле. А потом случился тот, самый страшный – в жарком июле… Митрополит, на коленях моливший Бога пощадить людей, чуть не задохнулся в Успенском соборе – на веревке спускали его в Москву-реку. Крепко зашибся тогда владыка, долго болел…

После пожара и наступило то, что должно было наступить. Потерявшие кров, все нажитое, люди с проклятиями искали виновных. Вот тогда и прошел слух: город подожгли

колдовством, и не кто-нибудь, а родственники царя – иноземцы-ляхи. Вышедшим к народу боярам взбунтовавшаяся чернь прокричала, что княгиня Анна, мать Глинских, вырезала сердца у мертвых, клала их в воду и водой этой кропила город. Поняв, что ему грозит, Георгий Глинский, дядя царя, бросился в Успенский собор. Озверевшая толпа свершила святотатство: несчастного князя растерзали прямо в Божьем храме…

А потом толпа пришла в сельцо Воробьеве, где спасались от огня царь с молодой царицей, и потребовала крови Анны и остальных Глинских. Жалкие бояре умоляли: «Отдай их!» Но он уже знал разгадку Власти… Распустились людишки, разгулялись кроваво! Разве, жертвуя новую кровь, усмиришь их? Истинный внук Ивана Третьего, он уже понял свой народ: царство без грозы, что конь без узды…

Сначала толпе сказали, что царя в Воробьеве нет. А когда страсти поутихли и стали расходиться люди, пришло время дать ему волю своему гневу. Гневу, от которого всю его жизнь в беспамятстве от страха будут пребывать его бояре…

Радостно Иван дал вырваться ярости, в неистовстве кричал повеления: стрелять в толпу, вязать зачинщиков. И стрельцы весело палили в народ, догоняли и вязали разбегавшихся. Царь повелел их казнить. И вмиг все успокоилось – повинились мятежные. Крестясь, прося прощения у царя, шли виновные на плаху…

Именно в те дни, как потом будет вспоминать князь Курб-

ский, из пламени страшного пожара возник поп Сильвестр – священник Богоявленского собора в Кремле, домовой церкви московских владык. Там стояли иконы святых покровителей московских Государей, и среди них – суровая икона Иоанна Предтечи, *его* икона, где живописец изобразил топор, который лежал у корней дерева, не приносящего плода…

Сильвестр заговорил с молодым Государем, «как власть имеющий». Он объявил ему, что пожары – это небесный огонь, который брошен на город за грехи Государя, за его своевольные казни. И уже первый пожар был провозвестником гнева Божьего, но царь не понял, и оттого был второй пожар… И пока не поменяет царь свою жизнь, огонь небесный будет пожирать его город, и третий пожар испепелит самого Государя, ибо грозен Бог к нечестивцам…

Поп говорил предсказаниями… Как родитель пугает неразумного сына, он пугал семнадцатилетнего царя Страшным судом, грядущими карами, которые потом Иван насмешливо назовет «детскими страшилками». Но в тот момент, как сам Иван расскажет в будущих письмах к князю Курбскому: «Дух мой и кости вострепетали, а душа смирилась во время пожара и бунта».

Страх и трепет…

И Сильвестр, который не был даже его духовником, станет на тринадцать лет главным советчиком царя, царской Мыслью (а царь будет только Властью). Поп сумеет обуздать Ива-

на, буйная река его страстей войдет в берега. Все эти годы будет для него Сильвестр грозным напоминанием о Небесном суде, где Государи перед Всевышним дают ответ за народ, им вверенный…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.